

УДК 111.1::316 (045)

*А.С. Ворончихин, Н.Б. Полякова, В.В. Скобелева, О.В. Соколова, В.Н. Скрынник, А.А. Шадрин***«АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИИ: ОНТОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ»**

«Круглый стол» кафедры философии и гуманитарных дисциплин совместно с кафедрой журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
(7 июня 2017 г.)

Работа 3-го круглого стола «Философия: герменевтика концептов» посвящена теме «Актуальность философии: онтология мышления». Заявленная тема охватывает множество направлений современной философской мысли, задавая онтологию в качестве основного раздела философского знания, производимого и структурируемого конструктами мышления. В выступлении О.В. Соколовой точкой отсчета современного мышления в его онтологической и гносеологической перспективах выступает метод радикального сомнения, разрабатываемый в философской системе Р. Декарта. Онтология мышления разворачивается из точки тождества природы мыслимой и природы протяженной и воплощается в конструктах телесности, мира и Бога. Выступление В.В. Скобелевой затрагивает актуальные проблемы существования современного общества в их предьявленности в продуктах «вторичной реальности»: кинематографе, литературе и массмедиа. Основным понятием выступает «рамка условности», игра с которой предопределяет онтологические возможности современного общества к саморефлексии и/или самоузнаванию. Анализируются перспективы современной визуальной культуры в аспекте тенденций к «размыванию» в ней социальных категорий детства, детскости и взрослости.

Ключевые слова: философия, онтология мышления, сомнение, природа мыслящая и природа протяженная, субъективность, телесность, условность, «рамка условности», «вторичная реальность», кинематограф, массмедиа, детство, детскость и взрослость.

Шадрин А.А. – доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «УдГУ», кандидат философских наук, доцент.

Приветствую вас, уважаемые коллеги! Мы продолжаем серию «круглых столов», и третий «стол» мы обозначили следующим образом: «Актуальность философии: онтология мышления». Я рад, что мы сегодня все-таки собрались, поскольку в июне собраться уже несколько сложнее, но, тем не менее, мы здесь.

В отношении выбранной нами сегодня темы коротко замечу следующее. Вопрос об актуальности философии, с одной стороны, почти риторический, поскольку философское мышление и философское знание, говорим ли мы о классической философских системах или о пост-классической философии (от философской герменевтики М. Хайдеггера и Г.-Г. Гадамера до постмодернистских концептов Ж. Деррида, Ж. Бодрийяра и др.), уже испытаны временем, прошли его проверку. С другой стороны, мы акцентируем внимание на онтологии мышления, имея в виду современность и те её феномены, которые могут стать или уже становятся актуальными для философской рефлексии, нуждаются в ней, позволяя самой философии в очередной раз заново обратиться к самой себе и открыть для себя новые горизонты.

Далее предлагаю сразу же перейти к выступлениям, у нас их сегодня два: Вероники Владимировны Скобелевой и Ольги Владимировны Соколовой. Мы рады видеть за нашим круглым столом новые, но хорошо знакомые нам лица: я имею в виду Виталия Николаевича Скрынника и Веронику Владимировну Скобелеву. Предлагаю начать с выступления О.В. Соколовой, Ольга Владимировна работает на кафедре уже не первый год и хорошо знакома с проблематикой, которой мы занимаемся. Поэтому предлагаю начать с Ольги Владимировны.

Соколова О.В. – доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «УдГУ», кандидат философских наук.

Почему я решила выступить? Потому, что при прочтении Декарта меня заинтересовали и захватили определенные онтологические аспекты, и очень неожиданно для меня самой. Декарт – всем хорошо известная фигура, и к Декарту, наверное, сейчас мало кто обращается, казалось бы, всё уже и так понятно. «(Ego) cogito ergo sum», – в чем, в общем-то, здесь можно сомневаться?.. Декарт – философ, заявляющий о мыслящем субъекте как о человеческом субъекте. И начинается новый этап, выстраивается новый этаж в развитии философии. И вдруг в процессе работы со студентами над декар-

товскими текстами в какой-то момент для меня становится очевидной совершенно иная мысль, которая, на мой взгляд, до сих пор не высказывалась. Во всяком случае, я пока её не встречала. Моё сегодняшнее выступление – скорее пока зарисовка, потому что статья еще не дописана до конца; обозначаю его тему так: «Декартовское сомнение как способ самоопределения мышления».

И вот что интересно. Я думаю, многие обращают внимание на то, что существует некий повтор, когда мы говорим об онтологии мышления. Что такое онтология? Онтология – «онтос» – бытие, «логос» – слово, – слово о бытии, которое *мыслится*; и получается, что мышление таким образом заявляет о самом себе: онтология мышления – мышление о мышлении, тавтология; и тогда возникает вопрос: в чем вообще смысл повтора? Второй вопрос: кто-либо обращал внимание на то, почему название одной из работ Декарта – «Размышление о первой философии»? То есть Декарт настолько амбициозен, что называет свою философию *первой*, как будто до Декарта не существовало философских систем Аристотеля, Платона и других великих мыслителей?.. Почему первая? Эти вопросы мне интересны. И вот как я начала рассуждать. Первая философия требует прочного начала, то есть безусловного и достоверного основания. Но в любом основании можно усомниться. Поскольку человек – существо телесное, постольку он целиком воспринимает мир с помощью чувств, но в процессе постижения истины чувства часто обманывают. Это вы знаете абсолютно все, то есть здесь нет ничего нового. Но что может остаться незамеченным? Декарт разворачивает очень интересное рассуждение: он говорит о возможности доказательства существования природы протяженной, то есть самой телесности. Ведь именно в этом он сомневается, – наши чувства, ощущения нас обманывают. Тогда возникает вопрос: а существует ли (сам) мир? Декарт замечает, что априорные конструкции мышления, которые позже выведет Кант, как бы принимаются всеми без сомнений, их очень сложно опровергнуть, это странно. Математические, алгебраические или геометрические дисциплины, работающие с числами, производят истины, которые выглядят абсолютно достоверно и не подлежат сомнению, в то время как физика, астрономия, медицина постоянно выдвигают доказательства их утверждения. Все это говорит о том, что пределом природы мыслящей является природа протяженная, иначе, телесность требует самоопределения мышления в точке сомнения существования природы протяженной. Вот здесь и задается бинарная конструкция мышления протяжения. Декарт пишет: «...я полностью лишен чувств; мои тело, очертания (*figura*), протяженность, движения и место – химеры». Но эти «химеры», как нечто, *мыслятся*. Потому что нечто не может определяться по отношению к «ни-к-чему», к ничто. Тем самым доказательство существования тела выводится через границу существования того, что способно усомниться в существовании этого тела. То, что существует как то, что различает тело, различает и само себя как мышление. С каким восторгом Декарт обнаруживает себя мыслящим! Именно сомнение в телесном существовании распознает само мышление. Иными словами, мышление обнаруживает себя в точке сомнения в телесном существовании. Я – «вещь мыслящая» (*res cogitans*), таким образом мышление может обнаружить себя только при «наличии» тела. Оно различает себя в точке сомнения существования телесности. Если исключить телесность, то мышление просто не сможет различить себя как мышление. Например, если идею рассматривать только как идею безотносительно к чему либо, это ничего не даст. Цитата: «...ибо представляю я себе козу или химеру, от этого не становится менее истинным тот факт, что я представляю себе одну из них, а не другую». И еще процитирую: «Относительно тела у меня не было никаких сомнений, и я считал, что в точности знаю его природу; если бы я попытался объяснить, какой я считаю эту природу, я описал бы её таким образом: под телом я разумею всё то, что может быть ограничено некими очертаниями и местом и так заполняет пространство, что исключает присутствие в этом пространстве любого другого тела; оно может восприниматься на ощупь, зрительно, на слух, на вкус или через обоняние, а также быть движимым различным образом, однако не самопроизвольно, но лишь чем-то другим, что с ним соприкасается; ибо я полагал, что природе тела никоим образом не свойственно обладать собственной силой движения, а также ощущения или мышления; я скорее изумлялся, когда обнаруживал подобные свойства у какого-то тела».

Тело само по себе у Декарта ничего не значит. В отношении тела, в частности, возникает вопрос о начале движения. Начало движения всегда будет находиться за пределами самого движения. И если бы мы предположили только существование телесности, мир бы исчез. То есть он бы не смог определиться как мир телесный. И вот здесь я, наверное, посмею высказать одну мысль, которая, возможно, вызовет очень много вопросов: думаю, что принцип субъект-объектного тождества заложен (еще до Шеллинга) уже Декартом. Иначе тогда бы не было вообще философии до Шеллинга. То есть это уже заложено Декартом, и Декарт это выписывает и прописывает. Сейчас я покажу, как он

это делает. Декарт пытается доказать, что то, что мыслится, является достоверно существующим. Что есть «вещь мыслящая»? Цитата: «...это нечто сомневающееся». Внимание, обратите внимание на цитату, далее: «понимающее, утверждающее, отрицающее, желающее, не желающее, а также обладающее воображением и чувствами». Что это? У Декарта так плохо с рядами? Ведь этот ряд включает в себя как характеристики мышления, т.е. рассудка, как минимум, логические – общелогические – методы рассудка, так и желания, не-желания, чувства. Относительно заявленного ряда возникает вопрос: неужели Декарт все напутал? не может различить мышление и протяжение? «Разве можно воображение делить с сознанием?» – вопрошает Декарт. Нет, ведь воображение длится через сознание... Возникает окончательная путаница, если мы еще добавим, что Декарт понимает, что протяженные вещи делимы, а мышление целостно. Отсюда снова вопрос: мышление и протяжение – это одно и то же или нет?

Итак, возвращаемся к началу... Декарт усомнился в существовании природы телесной, что стало началом движения мышления, его самоопределения. Именно в точке самоидентификации мышления разворачивается бесконечное множество форм движения субъективности; вот почему у Декарта возникает этот ряд, который оказался вдруг единым рядом. Мышление сохраняет собственную субъективность, объективируясь в представлении телесности, – точке совпадения мышления протяжения с точкой самоидентификации мышления, то есть его объективации. Подтверждение данной мысли – рассуждение Декарта. Цитата: «Что... может быть отделено от моего сознания? Что может считаться обособленным от меня самого? Ведь именно мое сомнение, понимание и желание столь очевидны, что более четкого объяснения не может представиться. Но поистине это тот же самый я, коему свойственно воображать...». Телесные вещи, образы, которые формируются в нашем мышлении и как бы проверяются чувствами, воспринимаются нами гораздо отчетливее, нежели то неведомое мне мое «я», недоступное воображению. То есть мы всегда видим и воспринимаем телесное как телесное, когда оно определено различением в этом качестве. Таким образом, без мышления человек не мог бы различить собственное телесное существование. Собака не видит свой хвост, когда вертится волчком и кусает его, она его не различает, потому что нет мышления. Эта природа оказывается неразличенной, природа протяженная в этом случае неразличима; различает ее мышление, но, различая природу телесную, мышление различает само себя. Приведу известное рассуждение о воске. Восприятие воска как воска смутное, потому что это чистое умозрение, смутное восприятие может стать четким, когда начнет объективироваться в протяженной природе, то есть различаться в телесности.

Иначе, сомнение в том, что «я существую», предъявляет мышление в различии, различности форм его самоидентификации. Почему Декарт гениален? Потому что задает сомнение как способ самоопределения мышления. Философия – это история мышления, онтология мышления – бытие мышления, прочитываемое в его конструктах и/или концептах. Сомнение – концепт Декарта, и его подвижность – подвижность самого мышления – тут же начинает воплощаться в разных формах: либо субъективации, либо объективации, чему и посвящено последнее, шестое размышление, которое у меня, к сожалению, еще не конца «собрано». И *идея*, и *тело* мыслятся, то есть существуют, или, вернее, со-существуют в мышлении. Поэтому возникают два разных способа представления; отсюда – идеализм и материализм. Я поняла, почему коллеги из МГУ говорят, что дуализм Декарта не преодолел. Дело не в дуализме, просто «тело из сознания» – это бинарный код цивилизации, и он действительно не преодолен, потому что самоопределение, самоидентификация мыслимого осуществляется через точку саморазличения; но должна быть граница, а значит бинарность, – должно быть это «би», вот эти два начала: мышление и телесность. И Декарт – в точке их совместности. Почему Бог у него возникает? Это не формальное присутствие некоего Высшего начала, нет. Это и есть мышление как таковое, различенное начало которого предъявляться в субъективности мышления, то есть через человека. – По мысли Декарта, в сомнении, иницирующем процесс мышления. Поэтому, заканчивая выступление, отмечу, что сомнение Декартом определяется как метод всей науки, отсюда – «Рассуждение о методе».

Шадрин А.А. Я бы добавил: метод радикального сомнения. Здесь радикализация имеется в виду?

Соколова О.В. Да. Потому что сомнение – на пределе, мышление и телесность сопредельны. Но в этой точке и происходит движение, или: из этой точки разворачивается рассуждение.

Скобелева В.В. – старший преподаватель кафедры журналистики ФГБОУ ВО «УдГУ», кандидат философских наук.

Само слово «сомнение» подчеркивает это различие, с которого начинается Декарт.

Соколова О.В. Это понятно, так проявляется бинарность, но сомнение – это сам метод, само движение мышления, и по-другому оно предъявиться не может. Вот в чем дело.

Шадрин А.А. Я отметил для себя несколько пунктов: вот что касается первого, с чего начала Ольга Владимировна, декартовская философия – первая философия. И почему, собственно, возникает сам метод радикального сомнения, – потому что система Декарта открывает Новое время. Декарт пытается начать мыслить «с чистого листа», и поэтому он сомневается во всем, в чем только возможно усомниться...

Соколова О.В. Или это только первая форма, и пока единственная, предъявления мышления, самого себя, в самом себе, о самом себе. И вот еще что. Я хочу подчеркнуть, что мышление здесь впервые начинает говорить о самом себе. Оно автономизируется через сомнение, это метод мышления.

Скрынник В.Н. – доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «УдГУ», кандидат философских наук.

Давайте начнем, как говорится, с самого начала. Онтология возникает у натурфилософов, как отношения мышления к бытию. Поэтому, если брать греческий вариант онтологии, то никакого мышления о мышлении там быть не может. Для греков «есть природа», космос, который нас окружает, и есть «я», которое это познает. Многие натурфилософии, вообще-то, философии не признают, я это понимаю. Но если брать перевод слова, то «онтология» изначально не имеет никакого отношения к понятию мышления.

Соколова О.В. Да, я не оговорила, речь идет о том, что мы сегодня понимаем бытие как бытие мышления, утверждая тождество бытия и мышления. Мы переходим от натурфилософии к онтологии мышления и обращаемся к Декарту.

Скрынник В.Н. Тогда нужно, что называется, акцентировать понимание. Второе: в Вашем выступлении, Ольга Владимировна, мелькнула фраза, которая меня немного удивила, – что телесность не имеет значения в философии Декарта.

Соколова О.В. Нет-нет, это утверждение нельзя вырывать из контекста.

Скрынник В.Н. Хорошо, тезис «нет мышления вне телесности» понятен не только философам, но и вообще любому, кто занимается этой проблематикой, – психологам и так далее. В каком смысле тогда телесность имеет значение?

Соколова О.В. В контексте сказанного: сама по себе она не определяется, телесность различается только через мышление, то есть мыслится и, соответственно, конструируется.

Скрынник В.Н. И третий вопрос: как – в Вашем понимании – возникает Бог в системе Декарта и какое место он в ней занимает? Бог бестелесен, но если исходить из тезиса «без телесности нет мышления», как он существует?

Скобелева В.В. Насколько я поняла, существование Бога предъявляется через мышление.

Соколова О.В. И через этот мир. Мышление – с прописной буквы – от Бога, и оно также бестелесно, как и Бог. Бог может предъявиться только через существование. Но он как раз и предъявляется в мире – существующем мире, который домысливается нами до целостности и воплощается в конструктах мышления, одним из которых выступает телесность.

Ворончихин А.С. – доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «УдГУ», кандидат философских наук, доцент.

Пока нет человека – Бога нет. И мира нет. Но всё возникает с появлением человека – человека, как существа мыслящего и/или сомневающегося.

Полякова Н.Б. – заведующая кафедрой философии и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «УдГУ», кандидат философских наук, доцент.

Здравствуйте, коллеги. Поддерживая и продолжая разговор в рамках предложенной темы, на мой взгляд, необходимо первоначально обратиться к понятию «актуальный» и задать его как производное от латинского «аст» («действие»), т.е. действующий здесь и сейчас. Есть ли философия сегодня? Разворачивается ли она в пространстве актуального бытия. Что значит действующая, т.е. существующая в действительности, действительная философия?

Это вопрошание здесь о направленности философии, о её самоопределении посредством предмета. Есть ли тот предмет, в отношении которого философия действует сегодня, нечто производит? Предмет философии, как то, на что направлено философское исследование, менялся от древнегреческой натурфилософии до постсовременных социальных онтологий. Что же является «сквозной точкой» для философствования как деятельности? Можем ли мы по-прежнему оставаться в натурфилософских, материалистических исследованиях «природы», «фюсиса», и ретроспекция, представленная в истории философии, есть единственное пространство её существования? Либо философия расширила пространство собственного присутствия в познавательном существовании человека?

Возникшая в XX столетии неклассическая рациональность включила в пространство философствования лингвистические, герменевтические, психоаналитические, политические и другие позиции, через которые философия «заговорила» иным способом. Свершившийся разворот позволил задать такой ракурс рассуждений, посредством которого философия производит свою актуальность, определяясь в точке современности.

Философствование как процесс есть «бытие-в-пути» (К. Ясперс). «Путь» прокладывается в мышлении и мышлением; по сути, он представляет собой мыслительный процесс, прокладывающий «тропы» бытия философии. Бытие философии осуществляется, т. е. может быть представлено как некое «движение мысли, обличенное словом» (М. Хайдеггер). Движение в языке разворачивается как повествование о вариантах осуществления философии через субъекта, философствующего.

Варианты или «тропы» тогда обретаются мыслителем, когда он намеренно обращается к пространству «не-хоженного», к тому, где он ещё не оставил «следов» (Ж. Деррида), где неизвестность есть «место-где-его-еще-нет», небытие. Так радикализация собственного осуществления посредством обращения, выраженного вопросом, открывает небытие как неизведанное. Язык позволяет обнаружить «тропы», т.е. то, по поводу чего философия ещё не говорила, не мыслила. «Тропы» прокладываются понятиями, уже обозначенными языком, но еще не промысленными. Осмысленность «слово» приобретает постепенным передвижением, подбором из пространства понятого тех значений, которые наполняют слово, делая его понятным, понятием. Такие понятия всегда уже носят абстрактный характер, ибо понимаются мышлением и в мышлении. Вкладывая осмысленность в неизведанное, мысль втягивает понятным (понятиями) в собственное бытие то, что определялось как несуществующее.

Философствование как движение в понимании бытия осуществляется переходом через границу. Размечая пределы, различая известное и неизвестное, философское мышление из-бытия вопрошает в не-бытие, осмысление которого обращает его в-бытие (бытие – не-бытие – бытие). Это и есть процесс саморазвития философии, как нахождение собственно философских смыслов там, в том месте, где немислимое оборачивается осмысленным, вписанным и понятным философским дискурсом. Это и есть делание, производство, актуализация бытия философии.

Шадрин А.А. Хорошо подытожили. Думаю, Ольга Владимировна и Наталья Борисовна ответили на заданные вопросы исчерпывающе; таким образом, если нет возражений, предлагаю перейти к выступлению Вероники Владимировны. Насколько мне известно, оно будет затрагивать социально-онтологическую проблематику, и это еще одно направление, которое, безусловно, актуально для современной онтологии мышления.

Скобелева В.В. Да, мое выступление несколько иного склада, поскольку я занимаюсь, в основном, массовыми коммуникациями; тему моего выступления я обозначила так: «Понятие условности как конституирующий фактор человеческого взросления». Начну с интересного примера – кинематографа. Дело в том, что я преподаю еще историю кино, которое очень хорошо отражает и выражает представления той или иной эпохи. В 2010 году состоялась премьера «Сербского фильма» режиссера Срджана Спасоевича, запрещенного к показу во многих странах, в частности, Испании, Финляндии, Австралии, Норвегии и ряде других. В Википедии жанр фильма определен как сплэттер, дословный перевод с английского – «взросление», как правило, «взросление кровью», что вполне соответствует содержанию этой ленты. Сам режиссер подает этот жанр как политическую аллегория, трагедию народа, который был уничтожен бомбежкой; но упаковка достаточно шокирующая, поэтому фильм случайно был запрещен...

Соколова О.В. Как фильм называется?

Скобелева В.В. Так и называется – «Сербский фильм». Я рассматриваю его с двух позиций. Во-первых, это запрет – и не единственный – вторичной реальности за какое-то нарушение. Таких запретов было много. В свое время и «Джейн Эйр» вызвал шквал критики, хотя это достаточно безобидный романтический роман. Таких вещей, на самом деле, было много, в том числе в кинематографе. Часто отзывы на «Сербский фильм» сводятся к тому, чтобы наказать, расстрелять, выжить... Происходит некая персонификация зла. В данном случае мы рассматриваем этот феномен как некое социальное правило, когда фильм запрещается как аморальный. Но вот, что такое мораль? Она тоже меняется. Мораль всегда подразумевает благое начало для общества, существующего в настоящий момент. Всё, что не морально, рассматривается уже как зло; оно объективируется, в частности уголовным кодексом, административным кодексом и т.д., негласными правилами внутри сообщества. Табу задает необходимую рамку, позволяющую конституировать наше человеческое сосуществование, вообще развивать человеческую природу, и оно было вписано в структуру человеческой деятельности с самого начала становления общества. Без рамки запретов существование и развитие со-

циума представить невозможно. Но почему запрещается продукт вторичной реальности? Ведь он в принципе не рассматривается как реальность. Как может здесь что-то – некая условность – табуироваться? Это тот мир, которого в действительности нет. Я в разговоре со студентами на эту тему уже приводила пример. Сидят красивые девушки с огромными ногтями, просто куколки, и, брызжа слюной, рассказывают, как «классно» в третьей части «Пилы» распилили какого-то мужика, да еще глазки вырвали, как это было натуралистично. Я удивляюсь и спрашиваю: почему вы всё это смотрите? Они отвечают: так это же неправда. Я говорю: вот вы пошли бы на смертную казнь, предположим, на центральную площадь, смотреть, как это происходит? Они: нет-нет, мы бы не пошли! Кто знает?.. Сейчас общество уже так натаскано на подобное... Многие убеждают меня, что это нормально, потому что мы понимаем, что есть рамка условности. Она осознается, и сознание спасает нас от этой дикости. Но почему – во вторичной реальности – эта рамка постоянно престапуается? Например, в западном хорроре, который бурно развивается, или мы можем обратиться к приемам Хичкока, который считается первооткрывателем триллера... Я ошибаюсь?

Скрынник В.Н. Нет, Хичкок, безусловно, великий режиссер, но и до него существовал жанр триллера...

Скобелева В.В. Да, конечно, но Хичкок – это классика жанра. Я имею в виду последний, переломный момент в западном кинематографе, когда он пошел дальше открытия Хичкока, когда «пугалка», атмосферное кино, мрачная музыка, некое ожидание уже не вызывают тех эмоций, которые они когда-то вызывали (или должны были вызывать). Сейчас это уже не «пугалка», а скорее что-то, граничащее с отвращением. Еще в далеком (для нас сегодня) 1972 году выходит фильм Джона Уотерса «Розовый фламинго», перед показом которого зрителям раздавали гигиенические пакеты для рвотных масс. Режиссер говорил: я ваши рвотные позывы сочту за самую лучшую овалцию. И это также вариант игры с рамкой, с эмоциями; головокружительный переход за пределы возможного, как прыжок в парашютом. Такой прыжок противоречит чувству самосохранения. Но, тем не менее, он возможен, нигде не запрещен, не табуирован. Он возможен, потому что есть парашют, который нас спасает. Во вторичной реальности, в кинематографе таким парашютом служит условность – наше осознание присутствия рамки условности. Она спасает нашу психику...

Шадрин А.А. Без парашюта тоже не табуируется. Поясняю: нет статьи такой – за самоубийство (попытку самоубийства), то есть без парашюта тоже не возбраняется.

Скобелева В.В. Да, но я просто хотела сравнить прыжок с парашютом с той рамкой условности, о которой я говорю; показать, что он вызывает, по существу, те же эмоции. Почему кинематограф так чувствителен к этой рамке, к игре эмоции, захватывающей нас?.. У Бодрийера есть хороший пример со стриптизом, помните? – Маркированное тело женщины, – перья, чулки, перчатки, тот антураж, который сопровождает действие. – Зачем он нужен, какую роль играет, ведь вы приходите смотреть на раздетую женщину? Тогда зачем нужен этот антураж? Тем не менее, он необходим, демаркация необходима, поскольку эмоции вызывает переход за ее черту, и сам переход – головокружителен. То же самое происходит, когда в фильм, в художественное произведение включаются элементы натурального убийства и насилия, как «кусочек» документального кино. Это будто бы настоящая реальность.

Шадрин А.А. Документальная реальность, да?

Скобелева В.В. Да. Такой прием оскандаливает фильм и вызывает определенный интерес к нему. Потому что здесь задействуется опять-таки рамка, игра в условности. Это как бы правда. А правда интереснее, чем просто вымысел. Например, известный скандал с режиссером Бернардо Бертолуччи и его фильмом «Последнее танго в Париже», разразившийся в связи с тем, что Бертолуччи заявил о преднамеренном «реальном» изнасиловании героини в этом фильме (актриса была не в курсе, потому что им нужно было получить натуральные эмоции). Но после того, как многие выступили против этого фильма, и одна актриса сказала даже, что мы смотрим не сам красивый фильм, а то, как 18-летнюю девушку насилует 48-летний мужик, режиссер был вынужден пойти на попятный и вернуть скандальной сцене её игровой статус. То есть он попробовал поиграть, перейти за рамку условности, но поскольку ему не позволили это сделать, он запрыгнул обратно. Это один момент, который я рассматриваю, – условность, наличие рамки табуирования создает эмоции. Но точно так же и массмедиа играют этой рамкой, отсюда – мода на реалити-шоу. Телевизионное шоу А. Малахова «Пусть говорят» – самая рейтинговая программа. Мы все имеем некое представление о нормах, поэтому аномальное, скандальное вызывает такой интерес. Это, конечно же, не единственный пример нарушения норм; другой – маркировка фильмов и программ: 12+, 16+, 18+ и т.д. Это недавнее изобретение человечества. Другим недавним изобретением человечества стало детство. У Нейла Постмана вышла книга «Исчезновение детства», где он анализирует такой социальный феномен, как детство. Как социальный фено-

мен оно появляется недавно: не более 200 лет назад. Постман пишет, что детство – социальный артефакт, а не биологическая категория. Даже день рождения ребенка раньше не фиксировали. Не было принято, как сейчас, «носиться с чадом», жить ради чада. Человечество стремилось выжить, и ему было не до детей. Детская смертность была нормой, умирало больше, чем выживало. Постман приводит пример: в 1890 г. в США только 7 % детей от 14 до 17 лет учатся в школе; остальные 93 % работают, как взрослые. В рассказе «Отступник» – продукте вторичной реальности – Джек Лондон показывает, как жили дети, как жил ребенок; однажды ребенок не выдержал и бросил работу, он – отступник, нарушивший определенные правила, но он понимает, что может не работать, и для него это счастье. Потому что он не знал другой жизни. С развитием человечества понемногу появляется идея детства. Появление феномена детства, к которому стали относиться как к определенной психологической поре, совпало с началом книгопечатания. Здесь Постман проводит границу: детство «появилось» с возникновением книгопечатания и распространением грамотности (раньше дети были просто включены в социальную систему, младенцы не вызвали интереса). Католическая церковь, по словам Постмана, даже определила момент взросления ребенка: в семь лет он уже усваивает все секреты речи и становится способен отличать добро от зла. Появляются школы, как некий институционализированный переход из младенчества во взрослую жизнь, педагоги; педагогика и психология занимаются «усовершенствованием» детства, тем самым запускается процесс социализации. Раньше в подмастерьях ребенок просто копировал и воспроизводил действия взрослых; у крестьян дети сразу были включены во взрослый мир. Чтение же требует обучения, включения в процесс сложного аналитического декодирования: читающий должен постоянно/непрерывно образовываться. Затем Постман переходит к нашей эпохе, к современности, когда детство исчезает. Оно исчезает не по причине отсутствия детей, а по причине отсутствия взрослых. И происходит это потому, что современная визуальная культура, особенно телевидение, стирает границы между детскостью и взрослостью. Прямое включение в визуальный мир не требует обучения (вспомните «Телепузиков»), как печатная культура, и к трем годам дети уже самостоятельно могут смотреть и усваивать транслируемый видеоряд.

Шадрин А.А. Визуальная культура не требует рефлексивности.

Скобелева В.В. Да, она примитивизирует наше представление и наше восприятие; ребенок, включенный в эту культуру, дальше не растет, он там и остается. Сейчас есть как бы три категории «детства»: младенчество, непонятный детско-взрослый возраст 20-30-летних, и старость, когда ты, фактически, уже мало что можешь изменить в своей жизни и не принимаешь участия в жизни социума. Почему еще сегодня нет детей как таковых? – Феномен детства связан с определенными запретами, системой табу. Кто такой ребенок? Тот, кто не посвящен в мир взрослых секретов; мы ребенку самого младшего возраста не рассказываем, чем девочки отличаются от мальчиков и для чего необходимо это отличие. То есть до поры до времени. А сейчас этого табу нет. Визуальная культура, интернет «просвещают» детей еще задолго до школьной скамьи, рассекречивая все секреты.

Шадрин А.А. Спасибо, Вероника Владимировна; я предлагаю перейти к обсуждению и вопросам, которые, наверняка, коллегами уже как-то сформулированы.

Соколова О.В. Вероника Владимировна, как бы Вы обозначили основную идею, или мысль, Вашего выступления?

Скобелева В.В. Я рассматриваю феномен детства через его связь с проявлением рамки условности, о которой я говорила. Человек становится взрослым, когда он вполне осознает наличие определенной условности. Я, в принципе, не оспариваю мысль Постмана о том, что печатная культура послужила началом к выделению детства как определенной социальной категории, именно печатная культура – у-словность как «нахождение у слова» – выстроила определенную рамку. Постман в «Исчезновении детства» очень хорошо показывает, как видит мир ребенок. У него нет различия между реальностью и нереальным, он воспринимает мир непосредственно, – таким, каким он перед ним предстаёт.

Соколова О.В. Тогда реальность взрослых – это условность?

Скобелева В.В. Да, взросление начинается с понимания у-словности происходящего, с различения присутствия неких рамок.

Шадрин А.А. У-словность – недетская категория. Например, ребенку задают вопрос: какое слово длиннее – «удав» или «червячок»? Ребенок отвечает: «удав»; потому что видит не слово, а удава.

Скобелева В.В. Да-да, в детстве отсутствует эта рамка условности. Или мы можем обратиться к работе Эдварда Эпштейна «Экономика Голливуда. На чем на самом деле зарабатывает киноиндустрия», где он пишет о том, что современный кинематограф целиком включен в систему экономических взаимосвязей и работает по принципу массмедиа. Сейчас кино для подростков и формирует та-

ких детско-взрослых «людей индиго», которые приходят с попкорном смотреть на шаблонные модели, производимые и воспроизводимые киноиндустрией и масс-медиа. При этом маркировка фильмов (6+, 12+, 16+ и т.д.), безусловно, влияет на мировосприятие, она как бы дробит «детство» как социальный конструкт, опять же задавая некую рамку условности. Почему в современной России паспорт выдают именно в 14 лет, а совершеннолетие наступает с 18 лет? Научно (исчерпывающе) это никак не обоснуешь, всё достаточно условно. Второй момент. Детство, я считаю, в наше время – это привилегированный возраст (вспоминается чеховская фраза «В детстве у меня не было детства»). Поэтому, если детство размещается на вершине возрастной иерархии, самым дискриминированным её элементом становится старческий возраст. Потерять старика в катастрофе – не так плачевно, как ребенка, потому что за детьми – будущее, потенциал. Третий момент связан с этикой. Мы воспринимаем детство как некую эпоху невинности. Эта «невинность» сравнима с отсутствующей в детстве рамкой условности. То, что в средневековье казнили детей, для нас сегодня – дикость, потому что мы сами смотрим на детей уже по-другому, понимаем, или, вернее, предполагаем, что они еще верят в *Деда Мороза*, добро не отличают от зла. Тем не менее, сегодня жестокость в среде подростков нарастает. В 70-е годы – во время популярных фильмов-катастроф – в кинематографе действовал негласный запрет на показ убийства животных. Пусть там всех раздавят-передавят, но какая-нибудь маленькая пушистая собачка обязательно должна спастись. В американском романе «Благословите животных и детей» дети и животные рассматриваются как некие привилегированные существа, в силу своей невинности. В современном кинематографе – во вторичной реальности – те или иные негласные правила активно нарушаются. Скандальный «Сербский фильм» как раз перешел условные рамки дозволенного, потому что там показывается изнасилование новорожденного младенца. Эти рамки нарушаются по пути нащупывания эмоций, – в стремлении ответить на вопрос: «как вызвать больше эмоций?».

Скрынник В.Н. Тогда «Сербский фильм» – он результат или продукт чего? Есть режиссер, сценарист... Это результат мышления режиссера? Или это какой-то другой продукт или продукт чего-то другого?

Скобелева В.В. Да, это результат мышления, но это мышление обусловлено определенной культурой, в частности, современной визуальной культурой, которая сложилась к этому времени.

Скрынник В.Н. О том, что бытие определяет сознание, меня переубеждать не надо, я убежденный марксист... Но это продукт мысли и идей определенного человека? Да или нет?

Скобелева В.В. Да.

Скрынник В.Н. Тогда в какой мере здесь присутствует онтология мышления, или это что-то другое? И почему фильм запретили?

Скобелева В.В. В какой-то мере онтология здесь, безусловно, присутствует. Но это не «правдивый» фильм. Это игровое кино. Там нет бомбежек, это аллегория. На самом деле, фильм о порнографии. Но это аллегория политической ситуации в Югославии.

Шадрин А.А. Конечно же здесь присутствует онтология мышления. Это очевидно, поскольку «Сербский фильм» не только нащупывает, но и преодолевает те рамки допустимого в игровом кино, которые до сих пор, видимо, *так* еще не преодолевались, не нарушались. Поэтому и реакция на этот фильм иной быть не могла. Но – до кинематографа – они нарушались в литературе, и не только. Например, мы можем обратиться к тексту Д. Хармса «Реабилитация», – там похожая «картина»: три трупа, не считая младенца (!), на которые автор повествования еще и испражнился. Куда еще отвратительней?.. И тот же «Розовый фламинго», о котором упомянула Вероника Владимировна на фоне «Реабилитации» явно бледнеет.

Соколова О.В. На мой взгляд, представленный Вероникой Владимировной материал интересен, актуален, но его надо разводить (по темам или проблемам), поскольку слишком много всего взято: и визуальная культура, в частности, кинематограф, и телесность, и рамки детства как социального феномена... Здесь намечаются интересные направления, но они должны быть различены и оформлены тематически.

Шадрин А.А. Благодарю вас, уважаемые коллеги! Думаю, беседа состоялась. Несмотря на то, что сегодняшние выступления затрагивают разные аспекты мышления, так или иначе, представленные темы вписываются в заявленную проблематику нашего 3-го «круглого стола». Еще раз благодарю всех и, пользуясь фразой известного персонажа не менее известного романа, сообщаю, что о дне следующего заседания вы будете оповещены особо.

A.S. Voronchikhin, N.B. Polyakova, V.V. Skobeleva, O.V. Sokolova, V.N. Skrynnik, A.A. Shadrin
RELEVANCE OF PHILOSOPHY: THE ONTOLOGY OF THINKING

The theme of the 3rd round table "Philosophy: hermeneutics of concepts" is "The relevance of philosophy: the ontology of thinking". The declared subject covers many directions of modern philosophical thought, setting ontology as a main section of philosophical knowledge, produced and structured by constructs of thinking. O.V. Sokolova's speech deals with a reference point of modern thinking in its ontological and epistemological perspectives. This reference point is a method of radical doubt, developed in the philosophical system of R. Descartes. The ontology of thinking unfolds from the point of identity of nature as thinking and nature as extension and is embodied in the constructs of corporeality, universe and God. V.V. Skobeleva's speech tells about the actual problems of the existence of modern society. These problems are presented in the products of "secondary reality": cinema, literature and mass media. The basic concept is a "frame of conventionality". A game with this frame predetermines the ontological possibilities of modern society for self-reflection and / or self-recognition. The prospects of modern visual culture are analyzed in the aspect of the tendencies to "erode" the social categories of childhood, childishness and adulthood in it.

Keywords: philosophy, ontology of thinking, doubt, nature as thinking and nature as extension, subjectivity, corporeality, conventionality, "frame of conventionality", "secondary reality", cinematography, mass media, childhood, childishness and adulthood.

Ворончихин Александр Сергеевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры
философии и гуманитарных дисциплин
Института истории и социологии
E-mail: kf-fsf-udsu@yandex.ru

Полякова Наталья Борисовна,
кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры
философии и гуманитарных дисциплин
Института истории и социологии
E-mail: midies@mail.ru

Скобелева Вероника Владимировна,
кандидат философских наук, старший преподаватель ка-
федры журналистики Института удмуртской
филологии, финно-угроведения и журналистики
E-mail: Skver-774@yandex.ru

Соколова Ольга Владимировна,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
и гуманитарных дисциплин
Института истории и социологии
E-mail: yandelf@yandex.ru

Скрынник Виталий Николаевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры
философии и гуманитарных дисциплин
Института истории и социологии
E-mail: kf-fsf-udsu@yandex.ru

Шадрин Алексей Анатольевич,
кандидат философских наук, доцент;
доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин
Института истории и социологии
E-mail: shadrin1971@gmail.com

ФБГОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

Voronchikhin A.S.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
at Department of philosophy and humanities
of Institute of History and Sociology
E-mail: kf-fsf-udsu@yandex.ru

Polyakova N.B.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
at Department of philosophy and humanities
of Institute of History and Sociology
E-mail: midies@mail.ru

Skobeleva V.V.,
Candidate of Philosophy,
Senior lecturer at Department of journalism
E-mail: Skver-774@yandex.ru

Sokolova O.V.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
at Department of philosophy and humanities
of Institute of History and Sociology
E-mail: yandelf@yandex.ru

Skrynnik V.N.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
at Department of philosophy and humanities
of Institute of History and Sociology
E-mail: kf-fsf-udsu@yandex.ru

Shadrin A.A.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
at Department of philosophy and humanities of
Institute of History and Sociology
E-mail: shadrin1971@gmail.com

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1, Izhevsk, Russia, 426034